

И.В. Реброва*

I.V. Rebrova*

**Общее и особенное международных
устно-исторических проектов
об истории Холокоста в СССР
(на материалах Северного Кавказа)**

**General Characteristics and Features
of International Oral History Projects
on the Holocaust in the USSR
(the Case of the North Caucasus)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-14

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-14

УДК 94(47+57)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Реброва И.В. Общее и особенное международных устно-исторических проектов об истории Холокоста в СССР (на материалах Северного Кавказа) // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 162–175. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-14.pdf>

Rebrova I.V. General Characteristics and Features of International Oral History Projects on the Holocaust in the USSR (the Case of the North Caucasus) // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 162–175. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-14.pdf>

Abstract. The article's main purpose is to identify and systematise all existing international Oral History projects with Soviet Jews who survived the Holocaust. The narrators are Holocaust survivors who could overlive the mass killing of Jews during the Nazi occupation. Since most of the interviews have been conducted with the former “children of war”, the article focuses on the analysis of the peculiarities of remembering practices in the childhood and its subsequent (self) reflection by the narrators on their war time experience under the influence of Soviet propaganda and state ideology. A general analysis of various international Oral History projects about the wartime experience of the Soviet Holocaust survivors is the main task of the article. It will allow us to make a thematic and comprehensive analysis of specific interviews with Holocaust survivors later on. Geographically, the study is limited to one region of modern Russia, the North Caucasus, however, all Oral History projects that discuss experience of Jewish survival in this region will be relevant for studying the features of the Holocaust history and Jewish survival practices during the Nazi occupation on the territory of the former Soviet Union.

Keywords: Oral History; Holocaust; World War II; Nazi Okkupation; North Caucasus; Holocaust survivors; Oral History projects; Holocaust remembrance; Soviet Jews.

The article has been received by the editor on 17.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Целью статьи является выявление и описание существующих международных устно-исторических проектов с советскими евреями, пережившими Холокост. Авторами большинства устных историй о Холокосте являются евреи, которые смогли выжить во время массового уничтожения нацистами еврейского населения на оккупированных (советских) территориях. Так как большинство интервью были записаны с бывшими «детьми войны», особое внимание в статье уделено анализу особенностей запоминания событий в детском возрасте и последующей (само)рефлексии нарраторов о пережитом под воздействием советской пропаганды и государственной идеологии в конструировании официальной памяти о войне, в которой опыт Холокоста отсутствовал. Общий анализ различных международных устно-исторических проектов, которые так или иначе были посвящены изучению опыта переживших Холокост советских евреев, является главной задачей статьи.

* **Реброва Ирина Викторовна**, кандидат исторических наук, PhD, Центр изучения антисемитизма при техническом университете Берлина, Берлин, Германия; Германо-Российский музей Берлин-Карлсхорст, Берлин, Германия, e-mail: irina.rebrova@campus.tu-berlin.de

Rebrova Irina V., Candidate of Historical Sciences, PhD, Center for Research on Anti-Semitism TU Berlin, Berlin, Germany; German-Russian Museum Berlin-Karlshorst, Berlin, Germany, e-mail: irina.rebrova@campus.tu-berlin.de

Этот обзор позволит в дальнейшем обратиться к тематическому и содержательному анализу конкретных интервью с пережившими Холокост евреями. Географически исследование ограничивается одним регионом современной России – Северным Кавказом, однако все устно-исторические проекты, в которых так или иначе присутствует опыт выживания евреев в этом регионе, будут релевантны для изучения особенностей истории Холокоста и практик выживания евреев в период нацистской оккупации территории бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: устная история; Холокост; Вторая мировая война; оккупация; Северный Кавказ; пережившие Холокост; устно-исторические проекты; память о Холокосте; советские евреи.

В последнее время все больший интерес в науке вызывают проблемы формирования и репрезентации образов прошлого, их закрепления, замещения или подавления в исторической памяти, наряду с изучением механизмов трансформации памяти о прошлом и принципов реконструкции воспоминаний о нем в массовом и индивидуальном сознании. Историки пытаются осмыслить, что именно из явлений и событий прошлого сохраняется и почему, как трансформируется, вытесняется, передается, и какую роль это играет в становлении групповой идентичности. По сути, речь идет о социальном конструировании исторической реальности «не тех образов прошлого, “достоверных фактов” и “подлинных событий”, “как это было на самом деле”, а тех образов прошлого, которые обрели социальную значимость, будучи субъективно переживаемые как воспоминания и воспринимаемые как знания»¹.

Память является одним из центральных конструктов в языке и культуре². Изучение формирования и трансформации памяти вызывает общественный и научный интерес и привлекает ученых из различных областей знаний. Память, таким образом, становится предметом междисциплинарного дискурса³. В современной российской исторической науке изучение памяти происходит за счет пересмотра прежних теоретико-методологических аксиом, применения новых подходов, общей антропологической ориентированности и использования опыта зарубежных коллег. Теоретические, концептуальные построения и конкретные исследования о функционировании памяти в обществе были разработаны преимущественно французскими и немецкими учеными во второй половине XX в. Благодаря работам М. Хальбвакса, П. Нора, Х. Вельцера, Т. Адорно, Я. Ассмана и др. в зарубежной историографии сложились тематические приоритеты исследования исторической памяти⁴. Все их работы, несмотря на тематическое и временное разнообразие источниковой базы, на основе которой изучается память, объединяет то, что главным предметом изучения становятся не события прошлого, а память о них у отдельных людей и целых сообществ. Отсюда и появление различных представлений о коллективной и индивидуальной, исторической, социальной и культурной памяти, различных мнений о соотношении памяти и истории.

Одним из важных полей деятельности исторической памяти являются практики воспоминания истории Холокоста на постсоветском пространстве. Российские исследователи обратили внимание на изучение истории массовых убийств национал-социалистами европейских евреев в годы Второй мировой войны сравнительно недавно⁵. В последнее время историки

¹ Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 5–6.

² Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007. С. 13.

³ Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 33.

⁴ Halbwachs M. The Collective Memory. New York, 1980; Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen. München, 1997; Welzer H. Re-narrations: How Pasts Change in Conversational Remembering // Memory Studies. 2010. Vol. 3. № 5. P. 5–17.

⁵ Большинство книг и статей о Холокосте в России публикуются Российским научно-образовательным центром Холокост. Сотрудники центра регулярно проводят семинары для учителей, научные конференции и круглые столы, посвященные тем или иным аспектам истории Холокоста. См. список публикаций центра.

ставят новые исследовательские вопросы, исследуют ранее не подвергавшиеся анализу в советской историографии темы в истории войны благодаря постепенному рассекречиванию документов, введению в научный оборот новых источников, прежде всего, устных историй с участниками и очевидцами войны, жителями оккупированных территорий, бывшими советскими военнопленными, с пережившими Холокост евреями.

В советский период официальная концепция памяти о Великой Отечественной войне (периоде истории Второй мировой войны, войны нацистской Германии против Советского Союза) представляла советский народ прежде всего как народ-победитель. Советское государство строило внациональное общество, поэтому было очевидно, что «мирные советские граждане» пострадали от нацистской оккупации во время войны. Массовые убийства нацистами определенных групп граждан (советских евреев, пациентов психиатрических клиник, ромского населения, свидетелей Иеговы) на оккупированных территориях, таким образом, не были предметом обсуждения в официальном советском дискурсе о войне. Первая официальная информация об убийствах евреев в послевоенном СССР появилась в эпоху гласности М. Горбачева⁶. После распада СССР на постсоветском пространстве, в т.ч. и в России, были основаны исследовательские и научно-просветительные центры, занимающиеся изучением истории Холокоста. Тем не менее в современной России официальная концепция патриотического воспитания продолжает советскую модель и основывается на идее Победы в Великой Отечественной войне, а история Холокоста в границах бывшего СССР признается, но не изучается детально. Исключение составляет деятельность отдельных исследователей и научных и образовательных центров. Например, сотрудники научно-просветительного центра «Холокост» издают научно-педагогическую литературу, энциклопедии и первоисточники, воспоминания, дневники и письма советских евреев, документы военного времени⁷.

Устные истории с пережившими Холокост на территории Советского Союза, на территории современной России, могут быть исследованы в рамках традиционалистского подхода, задача которого – восстановить историю такой, «как она есть». Лингвистический и смысловой анализ текстов интервью позволяет изучить память конкретных людей и социальной группы в целом о прошлом. Истории рассказчиц и рассказчиков дают возможность проследить, как менялись содержание и структура индивидуальной памяти о событиях прошлого. В воспоминаниях, где встречаются моменты, не вписывающиеся в ранее общепринятую концепцию истории войны, нарраторы подчеркивают, что «раньше об этом нельзя было говорить». Устные истории, таким образом, являются одним из источников отражения исторического сознания и, как следствие, исторической памяти социальной группы и общества в целом о событиях прошлого.

Целью статьи является выявление и общий тематический анализ существующих устно-исторических проектов с советскими евреями, пережившими Холокост. Так как большинство интервью были записаны с бывшими «детьми войны», особое внимание будет уделено анализу особенностей запоминания событий в детском возрасте и последующей (само)рефлексии нарраторов о пережитом под воздействием советской пропаганды и государственной идеологии в конструировании официальной памяти о войне, в которой, по понятным причинам, опыт Холокоста зафиксирован не был. Несмотря на то, что в большинстве тематических интервью основное внимание уделялось опыту выживания евреев в годы войны, они дают информацию (а возможно и прежде всего) о той эпохе, когда

URL: <http://holocf.ruисследовательские-программы/библиотека-и-архив/> (дата обращения: 13.04.2020). На ежегодной конференции по иудаике, организованной центром Сэфер, на протяжении многих лет есть отдельная секция об истории и памяти о Холокосте в Советском Союзе. URL: https://sefer.ru/rus/publications/conferences_publications.php (дата обращения: 13.04.2020).

⁶ Gitelman Z.Y. Politics and historiography of the Holocaust in the Soviet Union // Bitter legacy. Confronting the Holocaust in the USSR / ed. Z.Y. Gitelman. Bloomington and Indianapolis, 1997. P. 14–42.

⁷ См., напр.: Холокост на территории СССР: энциклопедия / ред. И.А. Альтман. М., 2009; «Сохрани мои письма...»: сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М., 5. Вып. 2007, 2010, 2013, 2016, 2019.

интервью было записано⁸. Главный парадокс эго-документов заключается в их амбивалентности по отношению к историческому времени. С одной стороны, время проведения интервью влияет на содержание нарратива (какие темы затрагиваются, какой язык и терминология используется, как нарратор (не) встраивается в господствующую идеологическую концепцию прошлого и официальную версию памяти о войне, ее героях и жертвах). С другой стороны, язык описания истории войны и конкретных событий, которые пережили или наблюдали нарраторы, остается неподвластен влиянию времени и официальной идеологии. Таким образом, в любом эго-документе можно обнаружить два уровня информации: непосредственно личную историю о войне и Холокосте, которая существует практически без изменений на протяжении всей жизни ее пережившего, и саморефлексия о личном военном опыте, который может переосмысливаться под влиянием времени, политической и социальной обстановки, уровня образования и степени вовлеченности нарратора в изучение истории Холокоста. В данной статье я остановлюсь на общем анализе различных международных исследовательских проектов, которые отражают опыт переживших Холокост советских евреев. Географически исследование ограничивается одним регионом современной России – Северным Кавказом, однако все устно-исторические проекты, в которых так или иначе присутствует опыт выживания евреев в этом регионе, будут релевантны для изучения особенностей истории Холокоста и практик выживания евреев в период нацистской оккупации территории бывшего Советского Союза. Вместе с тем краткая история Холокоста на Северном Кавказе поможет понять специфику устных историй евреев, переживших Холокост в этом регионе.

История Холокоста на Северном Кавказе

С началом военных действий на территории СССР (22 июня 1941 г.) Северный Кавказ стал одним из важных направлений эвакуации промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья, а также населения, работников эвакуированных предприятий и научных сотрудников. Параллельно более-менее организованному процессу эвакуации, контролируемому созданным 24 июня 1941 г. Государственным комитетом обороны⁹, на юг России устремились неорганизованные потоки беженцев из прифронтовой полосы¹⁰. Советские власти рассматривали Северный Кавказ как достаточно безопасное место для эвакуированных людей и предприятий¹¹, поэтому людские потоки в районы Северного Кавказа с территории Украинской, Белорусской, Молдавской СССР,

⁸ Больше о методе Устной истории и его возможностях не только воссоздать историческую реальность, но прежде всего проследить работу индивидуальной памяти о прошлых событиях см.: *Portelli A. What Makes Oral History Different.* in Portelli A. *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History.* Albany, 1991. P. 45–58; *Tonkin E. Narrating our Past: the Social Construction of Oral History* Cambridge, 1994; *Oral History and Public Memories* / ed. P. Hamilton, L. Shopes. Philadelphia, 2008; *The Oral History Reader* / ed. R. Perks, A. Thomson. London; New York, 1998; *The Oxford Handbook of Oral History* / ed. A. Donald. Ritchie. Oxford, 2011.

⁹ *Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы* // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 38. URL: <http://militera.lib.ru/h/1/art/card32967.html> (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁰ Например, по состоянию на 15 августа 1941 г. из прифронтовой полосы на Кубань прибыло свыше 218 тысяч беженцев, спасавшихся от наступления немецкой армии. Евреев среди них было 160 000 человек или 73 % от общего числа эвакуированных. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 271. Л. 7–18.

¹¹ Больше об истории эвакуации евреев, см.: *Белонос И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг.* // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний / ред. Ю.А. Поляков. М., 1966. С. 15–30; *Altshuler M. Escape and Evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi Invasion* // Dobroszycki L. (ed.) *Holocaust in the Soviet Union: Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied USSR, 1941–1945.* Armonk, NY, 1993. P. 77–105; *Altshuler M. Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War* // *Dapim: Studies on the Holocaust.* 2014. Vol. 28. № 2. P. 57–73; *Feferman K. A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942* // *Europe-Asia Studies.* 2009. Vol. 61. № 5. P. 813–831; *Реброва И.В. Эвакуация евреев на Северный Кавказ: мотивация и пути следования (по данным устных интервью с пережившими Холокост)* // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXII междунар. ежегод. конф. по иудаике. М., 2016. Вып. 52. С. 108–122.

Крымской АССР, а затем и с Северо-Западных районов РСФСР продолжались вплоть до лета 1942 г. Более-менее точной статистики в отношении национального состава эвакуированных и беженцев в регион не существует. Историк Кирилл Феферман приводит цифру около 50 000 эвакуированных евреев на Северный Кавказ (без учета Ростовской области) по состоянию на июль-август 1942 г.¹²

Летом 1942 г. началось наступление войск вермахта на территорию Северного Кавказа. К середине осени 1942 г. большая часть Северного Кавказа оказалась в зоне военной администрации.¹³ Следующие факты: оккупированные территории находились близко к линии фронта, позднее по времени начало оккупации, ее относительно короткая продолжительность (в среднем от нескольких недель до 6–7 месяцев) и использование тактики разжигания национальной ненависти во многонациональном регионе – повлияли на историю Холокоста. На территории Северного Кавказа в уничтожении еврейского населения принимали активное участие подразделения Айнзацгруппы Д¹⁴, войска вермахта и СС. Во многих населенных пунктах региона уничтожение евреев проходило при участии полицеев из числа местных коллаборационистов: они привлекались для конвоирования арестованных и оцепления мест казни; нередко гестаповцы требовали, чтобы полицейские вместе с ними принимали непосредственное участие в расстрелах евреев¹⁵. Через несколько дней после захвата крупного южного города или районного центра издавался приказ военного коменданта или иного уполномоченного лица нацистской администрации об обязательной регистрации всего еврейского населения. После проведения регистрации всем евреям с багажом от 20 до 32 кг предлагалось в назначенный день и час явиться в указанное место под предлогом «переселения» на новое место жительства в более безопасные места¹⁶. На сборных пунктах у евреев забирали их личные вещи¹⁷, грузили в вагоны поезда (Ставропольский край), на подводы (сельские районы региона), небольшими группами сажали в

¹² *Feferman K.* The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem, 2016. P. 90.

¹³ *Бочкарева З.В.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; *Беликов Г.А.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998; *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; *Журавлев Е.И.* Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. 2001. № 1. С. 36–43; *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003. P. 545–669.

¹⁴ *Umansky A.* L'extermination des Juifs dans le Caucase du Nord pendant la Seconde Guerre mondiale (1942–1943). PhD diss., Doctoral school on Human and Social Sciences of the University of Picardie Jules Verne, 2016; *Angrick A.* Die Einsatzgruppe D. // Klein, Peter, Angrick Andrej (Hgs.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997. P. 88–110.

¹⁵ Например, в карательных акциях на территории Краснодарского края принимали участие местные коллаборационисты; 11 человек сразу после освобождения региона привлекли к судебной ответственности. См.: Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории г. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М., 1943; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. мат-лов в 7 т. М., 1959. Т. 4. С. 604.

¹⁶ См. тексты Воззваний к еврейскому населению в Ставропольском крае: Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 84. Л. 16; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 95; Фонды ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». ПКМ НВФ № 2354; Фонды Ставропольского государственного музея-заповедника (СГМЗ). Оф. 23307; в Ростовской области: Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 19. Л. 1; Государственный архив г. Мюнхен (Staatsarchiv München), STAANW. 35308/3. Band 36. Bl. 1.

¹⁷ Имущество евреев, как правило, расхищалось и присваивалось нацистами и коллаборационистами. См.: Центральный архив Министерства Обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 51. Оп. 958. Д. 52. Л. 76, 149 (доступ – USHMMA. RG-22.016).

специальные машины «душегубки» (Краснодарский¹⁸ и Ставропольский¹⁹ края), а иногда заставляли идти пешком (Ростовская область) к месту казни. Людей вывозили на окраину города или крупного поселения и там уничтожали путем расстрела или с помощью отравляющих газов²⁰. Трупы замученных людей сбрасывали в общие могилы, которые зачастую рыли себе сами жертвы или пленные красноармейцы. После проведения массового уничтожения еврейского населения не позднее двух-трех недель после начала оккупации, немецкие власти при помощи местных полицейских продолжали выявлять и расстреливать евреев уже в точечном, индивидуальном порядке²¹.

По данным историка И. Альтмана, жертвами Холокоста на территории России в современных ее границах стали более 120 000 евреев. Подавляющее большинство этих жертв (62 200 человек) были уничтожены на территории Ставропольского и Краснодарского краев, а также в Ростовской области²². Точных данных о выживших евреях на юге России нет. Судя по устным нарративам, выжить удалось немногим. Как правило, нарраторы описывают свою жизнь на юге России, указывая, что они были единственными в деревне или на селе евреями, которые вынуждены были подделывать документы, скрываться, чтобы остаться в живых. Несмотря на все трудности, нарратив спасенных эвакуированных евреев представляет собой светлое описание истории своего спасения, не последнюю роль в котором сыграло местное население.

«Из такой большой семьи нам вдвоем посчастливилось выжить»²³: общий обзор устно-исторических проектов с пережившими Холокост советскими евреями

Устные истории с пережившими Холокост на Северном Кавказе появились уже в 1970-х гг.²⁴ Первыми нарраторами стали бывшие советские евреи, эмигрировавшие в Израиль. В архиве

¹⁸ «Специальные машины-душегубки (Gaswagen) члены Зондеркоманды 10а Айнзацгруппы Д использовали в Краснодаре с конца августа 1942 г. по несколько раз в неделю. Это был крытый 6–7-тонный грузовик темно-серого цвета с дизельным двигателем. Машина была обита внутри оцинкованным железом и снабжена в задней части кузова двустворчатой, герметически закрывающейся дверью. На полу кузова имелась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой дизель-мотора, отработанные газы которого, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины и вызывали быстрое отравление запертых там людей. При посадке в машины немцы раздевали свои жертвы, заявляя им, что везут в баню, а вещи остаются для дезинфекции. В машину загружалось до 60–80 человек, все вместе – мужчины, женщины, дети. Простояв несколько минут во дворе гестапо, машина направлялась к противотанковому рву, где производилась разгрузка и закапывание трупов». ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 26. См. также материалы обвинительного процесса 1946 г. против водителя машины «Душегубка» в г. Краснодаре Отто Эноха (Otto Enoch): Central Archives of the Federal Security Services (FSB, former KGB) of the Russian Federation Records Relating to War Crime Trials in the Soviet Union, 1939–1992 (bulk dates 1945–1947). K-110815, in USHMM. RG-06.025. Reel 42; Beer M. Die Entwicklung der Gaswagen beim Mord an den Juden. In Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Heft 3. 1987: P. 403–413.

¹⁹ Две такие машины, которые еще называли «пекарни» или «мухобойки», работали при гестапо в г. Пятигорск Ставропольского края. ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 142. Л. 171; Д. 153. Л. 7.

²⁰ В советских документах по Ростовской области и Краснодарскому краю имеются свидетельства о том, что детей отравляли, смазывая им губы сильнодействующим ядом; в Ставропольском и Краснодарском краях зафиксированы случаи скидывания тел евреев в колодцы. См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 16. Д. 4. Л. 10; Д. 7. Л. 37; Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942–январь 1943 гг.): документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 81–82. См. также исследования на эту тему: Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь, 1994. С. 111; Карпенко И. Пяти смертям назло // Лехаим. 2006. № 9. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/173/VZR/v02.html> (дата обращения: 14.04.2020); Winkler Ch. Rostov-on-Don 1942: A Little-known Chapter of the Holocaust // Holocaust and Genocide Studies. 2016. Vol. 30. № 1. P. 106–115.

²¹ Как правило, поимка евреев сопровождалась пытками и издевательствами. См.: Акты ЧГК по Краснодарскому и Ставропольскому краям: ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 152. Л. 7; ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 2. Л. 4; Д. 8. Л. 8 об., 82; Оп. 17. Д. 1. Л. 1–6.

²² Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М., 2002. С. 286.

²³ Цитата из видеointerview с Фаиной Бабицкой // VNA USCSF, code 49602, 8 октября 1998 года, г. Симферополь.

²⁴ В более ранних международных устно-исторических проектах свидетельства евреев, которые пережили Холокост на Северном Кавказе, записаны не были.

мемориального комплекса истории Холокоста Яд Вашем в Иерусалиме имеется коллекция устных интервью с пережившими Холокост, кто выжил в оккупации на Северном Кавказе. По форме эти интервью представляют собой стенограмму тематической беседы в форме вопроса-ответа о военном периоде в жизни нарратора. К интервью прилагается план, согласно которому велась беседа, имеется индекс встречающихся по ходу повествования географических названий и персоналий. Территориально события Холокоста, описанные в интервью для Яд Вашем, относятся к Ставропольскому краю²⁵. Особенностью этих первых устных интервью с пережившими Холокост на Северном Кавказе евреями является внимание к национальным проблемам в годы войны в регионе. Очень подробно нарраторы останавливались на непринятии многими горскими народами советской власти, что вело к их сотрудничеству с нацистами и выдаче им евреев. Так, Рина Заслинская, говоря о жизни в оккупации в Кисловодске, подчеркнула: «В горах, оказалось, есть нация карачаев[цев]... Был разговор, что, когда немцы пришли, что вышли из гор карачаи, и они кричали, что они 25 лет жили в горах и ждали. Изменники Родины они были, что ли... Если бы не они, то и немцы не знали бы, кто где живет. Они причиняли много горя... А когда пришла советская власть, прошло не очень много времени, и вот как было с евреями, так стало и с карачаевцами... В общем всех карачаевцев выселили, всех до единого»²⁶.

Интервью с выжившими в Холокосте, проведенные в Израиле, являются, возможно, одними из самых ранних свидетельств о мотивации и поведении отдельных представителей горских народов в период оккупации по отношению к евреям в частности, и к советской власти в целом. С другой стороны, подобные свидетельства являются субъективным воспоминанием очевидца событий, а обобщающие формулировки как раз напрямую связаны с официальной советской политикой в отношении некоторых горских «народов-предателей».

С 1970-х гг. устные истории с пережившими Холокост на Северном Кавказе записывали сотрудники Устно-исторического архива при Институте современного иудаизма им. Авраама Хармана при Еврейском университете в Иерусалиме (Oral History Division Archive at the Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, Hebrew University of Jerusalem, далее – ОНД). Этот Центр существует с 1959 г. В его архиве собрано большое разнообразие устно-исторических интервью разной тематической направленности²⁷. Опыт переживших Холокост на Северном Кавказе евреев был зафиксирован в ходе реализации нескольких проектов сотрудниками центра, таких как «Горские евреи в СССР», середина 1970-х гг.; «Эвакуация и побег евреев в СССР в период Второй мировой войны», 1987; «Неашкеназские евреи в СССР», конец 1980-х гг.; «Еврей-выходцы из СССР», середина 1990-х гг. В большинстве проектов тема Холокоста не была центральной при проведении интервью, однако она так или иначе затрагивалась нарраторами. Для большинства устно-исторических проектов 1970–1980-х гг. характерно проведение интервью в виде тематической беседы, когда интервьюер задает много уточняющих вопросов с целью сделать рассказ нарратора более понятным постороннему слушателю/читателю и добиться его фактографической точности. Во многом такой метод являлся препятствием для раскрытия личности нарратора: в итоге мы получили интервью с ярко выраженной позицией интервьюера, который часто перебивает рассказчицу или рассказчика, чтобы уточнить или разъяснить непонятые моменты, от чего история постоянно прерывается и меняет направление повествования.

Интервью, записанные с пережившими Холокост в рамках проекта для Фуртнов видеоархива (Holocaust Survivors Film Project, Fortunoff Video Archive) в начале 1980-х гг., напротив,

²⁵ Свидетельское показание Фани Скляр // Архив Яд Вашем (далее – YVA), RG-O3, File № 3934; Свидетельское показание Маникер Вадима // YVA, RG-O3, File No. 4108; Свидетельское показание Заслинской Риной // YVA, RG-O3, File № 4927.

²⁶ Свидетельское показание Заслинской Риной // YVA, RG-O3, File No. 4927. Л. 2, 10.

²⁷ Oral History division. URL: <http://www.hum.huji.ac.il/english/units.php?cat=4247&incat=4246> (дата обращения: 15.01.2020).

являются первой попыткой записать не только видеointервью, но и провести их в свободной нарративной форме, когда нарратору предоставляется возможность самому построить рассказ о своей жизни и расставить в нем соответствующие акценты. Вопросы интервьюеры задают для уточнения времени и места или для получения дополнительной информации по уже упомянутым темам. Приоритет отдается открытым вопросам, которые дают возможность нарраторам более развернуто излагать свою историю. Главным принципом этого проекта был девиз, что нарраторы являются экспертами в своем повествовании, а интервьюеры готовы выслушать, узнать и прояснить ситуацию²⁸. Тем не менее из более 4400 интервью архива только в одном речь идет об опыте спасения в период Холокоста в оккупированном Ставропольском крае²⁹.

В середине 1990-х гг. Фонда Шоа (позже разместившийся в стенах университета Южной Калифорнии), известный в России как Фонд Спилберга (University of South California Shoah Foundation, далее – USCSF), осуществил самый крупномасштабный проект по сбору устных свидетельств с пережившими Холокост евреями во всем мире. Представители фонда впервые провели интервью в странах бывшего СССР, в т.ч. в России. Этот проект стал главным и по количеству интервью, в которых речь идет о спасении евреев на Северном Кавказе. На это же время приходится волна выплат жертвам Холокоста из бывшего СССР³⁰, что явилось дополнительным стимулом для людей, переживших Холокост, поделиться своими воспоминаниями. Целью всего проекта было зафиксировать жизненный опыт евреев на протяжении XX в. Был разработан примерный опросник, согласно которому по 20 % от всего времени интервью уделялось беседе о довоенной и послевоенной жизни нарратора. Центральной же темой оставался военный период, которому отводилось до 60 % времени. По мнению тренерки будущих интервьюеров, социальной работницы Дарленэ Баш (Darlene Basch), «интервью для Фонда по своей форме не являются ни журналистскими, ни историческими. Цель этих интервью – помочь пережившему Холокост рассказать свою историю и задать ему или ей правильные вопросы»³¹. Историк И. Котлер (Igor Kotler), долгое время проработавший в отделе по обработке интервью, называет конечный продукт Фонда этнографическими интервью. Действительно, многие интервью являются удачными примерами, в которых через историю жизни нарратора прослеживается история и образ жизни евреев в СССР на протяжении XX в.

В 2000-х гг. отдел устной истории при мемориальном музее Холокоста в США (Oral History department at the United States Holocaust Memorial Museum, далее – USHMM) осуществлял проект по сбору устных интервью, в т.ч. на территории бывшего СССР³². Основной фокус в работе на территории Украины, Беларуси и России был поставлен на поиск свидетелей массовых убийств евреев в период оккупации советских населенных пунктов и запись их воспоминаний. Также были записаны видеointервью и с пережившими Холокост. Эти интервью довольно короткие, зачастую в форме монолога нарратора о периоде войны в его или ее жизни и об истории своего спасения в период оккупации и Холокоста³³. Небольшая

²⁸ Fortunoff Video Archive. URL: <http://web.library.yale.edu/testimonies/about> (дата обращения: 15.04.2020) См. также: *Laub D. Bearing Witness or the Vicissitudes of Listening // Felman Sh., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History. New York, 1992. P. 71–74; Hartman G.H. Learning from Survivors: The Yale Video Archive // Hartman G.H. The Longest Shadow: In the Aftermath of the Holocaust. New York, 1996. P. 133–150.*

²⁹ Интервью с David H. // Fortunoff video archive for Holocaust testimonies at the Yale University, HVT-879.

³⁰ Больше об истории выплат жертвам Холокоста см. на сайте Клеймс Конференс. URL: <http://www.claimscon.org/what-we-do/compensation/> (дата обращения: 14.04.2020).

³¹ Запись тренинга с будущими интервьюерами в Моксве, август 1996 года // USCSF. Digital and remote storage, ALT03014.

³² Кроме своих собственных интервью, в USHMM имеется доступ к другим коллекциям устных интервью. URL: <https://www.ushmm.org/collections/the-museums-collections/about/oral-history> (дата обращения: 14.04.2020).

³³ См., напр.: Интервью с Вячеславом Безшкурным // USHMM, courtesy of the Jeff and Toby Herr Foundation, RG-50.653*0006; Интервью с Ириной Рубановой-Талант // USHMM, courtesy of the Jeff and Toby Herr Foundation, RG-50.653*0002; Интервью с Валентиной Колбаскиной // USHMM, courtesy of the Jeff and Toby Herr Foundation, RG-50.575*0089 и др.

группа вопросов после рассказа нарратора призвана уточнить некоторые моменты повествования или расставить акценты в его или ее рассказе. Такая форма тематического интервью сложилась, возможно, в результате использованной командой музея методики поисковой и подготовительной работы, когда «поисковик встречается с подходящим кандидатом для проведения интервью и общается на тему будущего интервью. Потом руководитель проекта на основе полученных данных отбирает претендентов на предварительное прослушивание и проводит с ними аудиоинтервью, одновременно отбирая кандидатов для записи видеопрослушивания. И только после этого приезжает съемочная группа и проводится запись интервью»³⁴. Выходит, что нарратор перед камерой рассказывает свою историю уже в третий раз, а, значит, сама история приобретает более отточенный и заученный характер. Такие интервью важны для фиксации исторических событий в судьбе нарратора, однако для анализа памяти заученные истории не являются репрезентативным источником. В методике USCSF также есть предварительный этап, когда интервьюер встречается с потенциальным нарратором, и они вместе заполняют довольно объемный опросник. По данным опросника впоследствии производилась каталогизация и сегментация интервью. Также заполненный опросник должен был помочь и направить интервьюера в его подготовке к самому интервью (прочитать специальную литературу, познакомиться с историей Холокоста на территории, где находился нарратор в годы войны и т.д.)³⁵. Тем не менее во многих случаях уже непосредственно в ходе самого интервью на камеру интервьюеры продолжали придерживаться стандартизованного опросника, не учитывая специфики личной истории нарратора.

Наконец, в период с 2013 по 2016 г. я провела около 30 интервью с пережившими Холокост на Северном Кавказе. Многие нарраторы в прошлом давали интервью для USHMM или USCSF, однако заранее я не просматривала уже записанные интервью. Как правило, я провожу нарративные интервью с открытым общим вступительным вопросом и по ходу рассказа нарратора задаю вопросы уточняющего характера. Отсутствие у меня предварительных данных о судьбе нарратора в годы войны позволяет рассказчице или рассказчику самому развивать историю содержательно, а мне только следовать за нарративом. Впоследствии сопоставление расшифровок различных интервью, которые давали одни и те же нарраторы, но в разное историческое время и разным интервьюерам³⁶, может помочь проследить работу памяти нарратора о значимых событиях в ее или его жизни, изучить влияние времени на структурирование рассказа.

Универсальный портрет нарратора

Говоря о спектре устных историй с пережившими Холокост на Северном Кавказе, следует учесть, что речь идет только об историях спасения евреев в период оккупации региона. Здесь евреи выжили только потому, что они каким-то образом смогли избежать регистрации еврейского населения и не пойти на сборный пункт, откуда всех евреев вывезли на расстрел или удушили в специальной машине «душегубке». Интервью с пережившими Холокост, которые в 1941 г. были транзитом в эвакуации на юге России и ушли из региона до начала оккупации, не относятся к репрезентативной группе устных историй о Холокосте на Северном Кавказе. Также многочисленные интервью с евреями – солдатами Красной армии или военнопленными, которые либо освобождали регион, либо находились в лагерях

³⁴ О методике проведения интервью для USHMM см: *Кардаш А.* Катастрофа евреев глазами неевреев (Свидетельства очевидцев оккупации территорий бывшего СССР) // *Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: мат-лы междунар. научн. конф.* (Москва, 26–28 апреля 2010 г.) / сост. А. Дюков и О. Орленко. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 448–449.

³⁵ См. примерный опросник и вопросы для проведения интервью на сайтах USCSF и USHMM. URL: <http://sfi.usc.edu/vha/collecting>; <https://www.ushmm.org/m/pdfs/20121003-oral-history-interview-guide.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).

³⁶ Например, Яков Крут, коренной ростовчанин, пережил оккупацию в Краснодарском крае. С 1990-х гг. он дал несколько интервью о своей судьбе различным организациям, журналистам и исследователям. Также он написал воспоминания, активно публикуется в израильской русскоязычной прессе и участвовал в записи видеовоспоминаний для документальных фильмов.

для военнопленных на оккупированной советской территории, не затрагивают тему уничтожения евреев в оккупации. Важно помнить, что устные интервью с пережившими Холокост – это истории об их спасении, которые всегда имеют счастливый конец (несмотря на потерю близких, знакомых и родственников, рассказчик остался жить, и интервью, таким образом, становится рассказом не только о ее или его выживании, но и о личном сопротивлении Холокосту). Исходя из накопленных устных историй с пережившими Холокост, записанных для разных устно-исторических проектов, можно составить универсальный портрет нарратора. В большинстве случаев это будет еврейка или еврей, которая или который пережил(а) Холокост в детском или подростковом возрасте. Это были «дети войны», на момент проведения интервью они, однако, были уже пенсионного возраста. Незначительное количество интервью записано с евреями, которым на момент начала войны было около 30 лет. Как правило, это были женщины, имеющие маленьких детей. Их рассказы более отрефлексированные, нежели у «детей войны». В центре их повествования присутствует рассказ о спасении не только своей жизни, но, прежде всего, жизнью своих детей. Еще одна группа нарраторов – те, кто родились незадолго до начала или во время войны. Их истории содержат пересказ того, что они слышали от своих родителей, как правило мамы, их личные воспоминания либо отсутствуют, либо очень отрывочны.

В гендерном отношении количество женщин-нарраторов примерно в полтора раза превышает мужчин. Это объясняется тем, что мужчины призывного возраста воевали на фронте, а в оккупации оказались преимущественно старики и женщины с детьми. Практически все нарраторы имели высшее образование и более-менее успешную карьеру. Карьерный рост сильно зависел от того, как послевоенное поколение советских людей принимало или не принимало евреев. Многим из них приходилось бороться против системы, большинство же предпочитали скрывать свои еврейские корни, менять фамилию. Незначительное количество переживших Холокост евреев смогли репатриироваться в Израиль в 1970-х гг., многие покинули советскую родину после распада СССР, однако подавляющее большинство советских евреев решили остаться на постсоветском пространстве. Они считали себя уже людьми в возрасте, которые не имели достаточно энергии и сил начать новую жизнь в другой стране, даже в лучших экономических условиях. Тем не менее второе и третье поколение выживших в Холокосте евреев иммигрировали в США, страны Западной Европы или Израиль в 1990-е гг. Нарратив иммигрировавших евреев отличается от нарратива тех, кто остался жить на постсоветском пространстве. Эти отличия прослеживаются в той части рассказа, когда речь идет о послевоенном, и в особенности о постсоветском периоде их жизни. Истории об антисемитизме в СССР и более счастливой жизни после иммиграции контрастируют с историями о пассивном принятии всей противоречивой советской истории и претензиях на бедную старость в постсоветских странах (во многих случаях). Устные свидетельства – это всегда истории о восприятии прошлого с позиции сегодняшнего дня. Поскольку большинство интервью (прежде всего для USHMM) было проведено в конце 1990-х гг., когда экономический кризис после распада Советского Союза был в недалеком прошлом, нарраторы, которые жили на постсоветском пространстве, большое внимание уделяли рассказу о своих текущих условиях жизни. В то же время повествование об опыте военного времени не сильно отличается у этих двух групп рассказчиков.

Если мы посмотрим на основную информацию устного интервью, то увидим, что это история одного человека во взаимодействии с другими акторами; каждый нарратор говорит своим собственным индивидуальным голосом, который при этом не является голосом истории. Как отметил С. Хайнс, промежуток времени в повествовании прослеживается не в историческом, а в личном измерении: личные истории начинаются, когда война начинается, и заканчиваются, когда она заканчивается, но эти личные истории рассказывают только ту часть всей истории, которая является личной для человека. Война (или период оккупации для переживших Холокост евреев) была значимым событием, но оно соответствует личной

истории нарратора, а не истории государства в целом³⁷. В устных интервью только люди существуют, действуют и иногда умирают, а когда они это делают, они делают это лично. Вот почему язык повествований переживших Холокост евреев находится вне влияния государственной идеологии. Повествование о Холокосте – это личная история, которая произошла в исторической реальности Второй мировой войны. Послевоенное отражение, напротив, формировалось в сознании пережившего Холокост под влиянием государственной пропаганды, самообразования, художественных произведений и средств массовой информации. Устные истории для многих нарраторов из числа советских евреев – это возможность выговориться, которая осуществилась только десятилетия спустя. Пережившая Холокост А. Росина, подводя итог в устном интервью для USCSF, сказала: «мои воспоминания давили меня все время. Я должна была рассказать, чтобы люди знали. Быть чистокровными евреями и остаться жить!»³⁸ Это важное замечание применимо к большинству устных историй о Холокосте. Так как тема Холокоста долгое послевоенное время подавлялась на уровне официальной политики памяти о войне, об этом лучше было открыто не вспоминать. Непроговоренный и неотрефлексированный опыт большинства переживших Холокост евреев становился травматичным опытом, преодоление которого могло быть возможным и благодаря устным интервью³⁹. Устная история дала право голоса, возможность быть услышанными этой категории людей, которым посчастливилось выжить в годы войны. Между тем в настоящее время опыт советских евреев в период оккупации является зафиксированным, но не осмысленным на уровне региона и в масштабах современной России. Большинство письменных воспоминаний и устных историй хранятся в архивных коллекциях иностранных государств, доступ к которым на территории России (за исключением интервью из коллекции USHMM на официальном сайте музея) закрыт. Рассказы очевидцев Холокоста интересны прежде всего иностранным организациям, продолжая быть невосстребованными на локальном уровне. Только в населенных пунктах, где развита мемориальная работа, некоторые пережившие Холокост евреи посещают тематические школьные и мемориальные вечера, передавая свои воспоминания новым поколениям. Остается надеяться, что накопленный в мировой практике комплекс устных интервью с пережившими Холокост евреями на территории СССР (и в отдельных его, прежде всего, Российских регионах) со временем будет введен в научный оборот историками и иными специалистами, осмыслен и использован в образовательном процессе.

Литература

Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег»: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 543 с.

Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998.

Белоносков И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сборник статей и воспоминаний / ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1966. С. 15–30.

Богачкова А.Е. История Изобильненского района. Ставрополь: Книжное издательство, 1994. С. 111.

Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1992.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 13.

³⁷ Hynes S. Personal narratives and commemoration // War and Remembrance in the 20th century / ed. J. Winter, E. Siran. London, 1999. P. 219.

³⁸ Интервью с Александрой Росиной // USCSF VHA, Code 47599, 10 сентября 1998 года, г. Кармэль (Израиль).

³⁹ В Советском Союзе после войны не проводились реабилитационные программы не только для солдат Красной армии, но и тем более для советских граждан, которые пережили потрясения оккупации, потерю своих родных и близких.

Журавлев Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. 2001. № 1. С. 36–43.

Кардаш А. Катастрофа евреев глазами неевреев (Свидетельства очевидцев оккупации территорий бывшего СССР) // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 26–28 апреля 2010 г.) / сост. А. Дюков и О. Орленко. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 448–449;

Карпенко И. Пяти смертям назло // Лехаим. 2006. № 9. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/173/VZR/v02.html> (дата обращения: 14.04.2020);

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Адыгея, 2000.

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 38. URL: <http://militera.lib.ru/h/1/art/card32967.html> (дата обращения 12.04.2020).

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / ред. Л.П. Репина. М.: ВШЭ, 2003. С. 5–6.

Реброва И.В. Эвакуация евреев на Северный Кавказ: мотивация и пути следования (по данным устных интервью с пережившими Холокост) // Труды по еврейской истории и культуре: мат-лы XXII междунар. ежегод. конф. по иудаике. М.: Сэфер, 2016. Вып. 52. С. 108–122.

Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 33.

Холокост на территории СССР: энциклопедия / ред. И.А. Альтман. М.: РОССПЭН, 2009.

Altshuler M. Escape and Evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi Invasion // *Dobroszycki L.*, (ed.). Holocaust in the Soviet Union: Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied USSR, 1941–1945. Armonk; NY: Sharpe, 1993. P. 77–105.

Altshuler M. Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War // *Dapim: Studies on the Holocaust*. 2014. Vol. 28. № 2. P. 57–73.

Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg: Hamburger Edition, 2003. P. 545–669.

Angrick A. Die Einsatzgruppe D. // Klein P., Angrick A. (Hgs.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin: Ed. Hentrich, 1997. P. 88–110.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen. München: C.H. Beck, 1997.

Feferman K. A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942 // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. № 5. P. 813–831.

Feferman K. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. P. 90.

Gitelman Z. Y. Politics and historiography of the Holocaust in the Soviet Union // *Bitter legacy. Confronting the Holocaust in the USSR* / ed. Z.Y. Gitelman. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997. P. 14–42.

Halbwachs M. The Collective Memory. New York: Harper Colophon, 1980.

Hynes S. Personal narratives and commemoration // *War and Remembrance in the 20th century* / ed. J. Winter, E. Siran. London: Cambridge University press, 1999. P. 219.

Oral History and Public Memories / ed. P. Hamilton, L. Shopes. Philadelphia: Temple University Press, 2008.

Portelli A. What Makes Oral History Different // *Portelli A.* The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History. Albany: State University of New York Press, 1991. P. 45–58;

The Oral History Reader / ed. R. Perks, A. Thomson. London; New York: Routledge, 1998.

The Oxford Handbook of Oral History / ed. D.A. Ritchie. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Tonkin E. Narrating our Past: the Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Umansky A. L'extermination des Juifs dans le Caucase du Nord pendant la Seconde Guerre mondiale (1942–1943). PhD diss., Doctoral school on Human and Social Sciences of the University of Picardie Jules Verne, 2016.

Welzer H. Re-narrations: How Past Changes in Conversational Remembering // *Memory Studies*. 2010. Vol. 3. № 5. P. 5–17.

Winkler Ch. Rostov-on-Don 1942: A Little-known Chapter of the Holocaust // *Holocaust and Genocide Studies*. 2016. Vol. 30. № 1. P. 106–115.

References

Altshuler M. (1993). Escape and Evacuation of Soviet Jews at the time of the Nazi Invasion. In L. Dobroszycki (Ed.). *Holocaust in the Soviet Union: Studies and Sources on the Destruction of the Jews in the Nazi-Occupied USSR, 1941–1945*. Armonk, NY: Sharpe, pp. 77–105.

Altman I.A. (2002). *Zhertvy nenavisti: Holokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hatred: Holocaust in the USSR, 1941–1945]. Moscow, Fond “Kovcheg”: Kolleksiya “Sovershen-nosekretno”. 286 p.

Altman, I.A. (Ed.). (2009). *Holokost na territorii SSSR: entsiklopediya* [Holocaust on the territory of the USSR: an encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN.

Altshuler, M. (2014). Evacuation and Escape During the Course of the Soviet-German War. In *Dapim: Studies on the Holocaust*. Vol. 28. No. 2, pp. 57–73.

Angrick, A. (1997). Die Einsatzgruppe D. In Klein, P., Angrick A. (Hg.). *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD*. Berlin: Ed. Hentrich, pp. 88–110.

Angrick, A. (2003). *Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943*. Hamburg: Hamburger Edition, 2003, pp. 545–669.

Assmann, J. (1997). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in den frühen Hochkulturen*. München: C.H. Beck.

Belikov G.A. (1998). *Okkupatsiya. Stavropol. Avgust 1942 – yanvar 1943* [An occupation. Stavropol. August 1942 – January 1943.]. Stavropol: Fond duhovnogo prosveshcheniya.

Belonosov I.I. (1966). Evakuatsiya naseleniya iz prifrontovoy polosy v 1941–1942 gg. [Evacuation of the population from the front line in 1941–1942]. In *Eshelony idut na Vostok: iz istorii perebazirovaniya proizvoditelnykh sil SSSR v 1941–1942 gg.: sbornik statey i vospominaniy*. Moscow, Nauka, pp. 15–30.

Bochkareva, Z.V. (1992). *Okkupatsionnaya politika fashistskoy Germanii na Severnom Kavkaze* [The occupation policy of the fascist Germany in the North Caucasus], Cand. hist. sci. diss. Krasnodar.

Bogachkova A.E. (1994). *Istoriya Izobilnenskogo rayona* [History of the Izobilnensky district]. Stavropol, Knizhnoe izdatelstvo, 1994, p. 111.

Bragina, N.G. (2007). *Pamyat v yazyke i kulture* [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, p. 13.

Feferman, K. (2009). A Soviet Humanitarian Action?: Centre, Periphery and the Evacuation of Refugees to the North Caucasus, 1941–1942. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. No. 5, pp. 813–831.

Feferman, K. (2016). *The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus*. Jerusalem: Yad Vashem, p. 90.

Gitelman, Z.Y. (1997). Politics and historiography of the Holocaust in the Soviet Union. In *Bitter legacy. Confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1997, pp. 14–42.

Halbwachs, M. (1980). *The Collective Memory*. N.Y.: Harper Colophon.

Hamilton, P., Shopes, L. (Ed.). (2008). *Oral History and Public Memories*. Philadelphia: Temple University Press.

Hatton, P.H. (2004). *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History is an art of memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal, p. 33.

Hynes, S. (1999). Personal narratives and commemoration. In *War and Remembrance in the 20th century*. London: Cambridge University press, p. 219.

Kardash, A. (2010). Katastrofa evreev glazami ne evreev (Svidetelstva ochevidtsev okkupatsii territoriy byvshego SSSR) [The catastrophe of the Jews in the eyes of the Jews (Evidence of witnessing the occupation of the territories of the former USSR)]. In *Voyna na unichtozhenie: natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Evropy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 26–28 aprelya 2010 goda)*. Moscow, Fond “Istoricheskaya pamyat”, pp. 448–449.

Karpenko, I. (2006). Pyati smertyam nazlo [The Five Deaths of Victims]. In *Lekhaim*. No. 9. Available at: URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/173/VZR/v02.html> (date of access: 14.04.2020).

Krinko, E.F. (2000). *Zhizn za liniey fronta: Kuban v okkupatsii (1942–1943 gg.)* [Life behind the front line: the Kuban during the occupation (1942–1943)]. Maykop, Adygeya.

Kumanev, G.A. (2006). Voyna i evakuatsiya v SSSR. 1941–1942 gody [War and evacuation in the USSR. 1941–1942]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 6, p. 38. Available at: URL: <http://militera.lib.ru/h/1/art/card32967.html> (date of access: 12.04.2020).

Perks, R., Thomson, A., (Ed.). (1998). *The Oral History Reader*. London and New York: Routledge.

Portelli, A. (1991). What Makes Oral History Different. In Portelli, A. *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany: State University of New York Press, pp. 45–58;

Rebrova, I.V. Evakuatsiya evreev na Severnyy Kavkaz: motivatsiya i puti sledovaniya (po dannym ustnykh interv'yu s perezvivshimi Kholokost) [Evacuation of the Jewish North Caucasus: motivation and paths of investigation (according to oral interviews with survivors of the Holocaust)]. In *Trudy po evreyskoy istorii i kultury: materialy XXII mezhdunarodnoy ezhegodnoy konferentsii po iudaike*. Moscow, Sefer. Iss. 52, pp. 108–122.

Repina, L.P. (Ed.). (2003). *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe]. Moscow, VSHE, pp. 5–6.

Ritchie, D.A. (Ed.). (2011). *The Oxford Handbook of Oral History*. Oxford: Oxford University Press.

Tonkin, E. (1994). *Narrating our Past: the Social Construction of Oral History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Umansky, A. (2016). L'extermination des Juifs dans le Caucase du Nord pendant la Seconde Guerre mondiale (1942–1943). PhD diss., Doctoral school on Human and Social Sciences of the University of Picardie Jules Verne, 2016.

Welzer, H. (2010). Re-narrations: How Pasts Change in Conversational Remembering. In *Memory Studies* Vol. 3, No. 5, pp. 5–17.

Winkler, Ch. (2016). Rostov-on-Don 1942: A Little-known Chapter of the Holocaust. In *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 30, No. 1, pp. 106–115.

Zhuravlev, E.I. (2001). Okkupatsionnaya politika fashistskoy Germanii na Yuge Rossii (1941–1943 gg.): tseli, sodержanie, prichiny krakha [The occupation policy of Nazi Germany in the South of Russia (1941–1943): goals, content, reasons for the collapse]. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. No. 1, pp. 36–43.

Статья поступила в редакцию 17.07.2020 г.